Сегодня закончил статью о Бунине, курсовую работу по русской литературе в пединститут. Начал с осени, золотой осени в Погожем. Часа за два перепечатал её на машинке в сельсовете и приложил экземпляр к дневнику, на память об этом солнечном дне. Назвал статью «Власть слова». Вот она.

10 октября 1960 года.
Село Погожее Курской области.

«С крепким запахом антоновки, с прощально отлетевшей над полями паутиной, «пряжей богородицы», как еще называют ее на Орловщине, – родине писателя, – отстояла и отошла ранняя осень. Эту пору нежно-голубого кроткого неба и открытых полевых далей Иван Алексеевич Бунин любил как никакое другое время года. Ещё юношей в одном из писем к Варваре Владимировне Пащенко, ставшей прообразом Лики в будущем романе «Жизнь Арсеньева», он писал: «Вышел на крыльцо и увидел, что начинается совсем осенний день. Заря – сероватая, холодная,

с легким туманом над первыми зеленями... В саду пахнет "антоновскими" яблоками... Просто не надышишься! Ты ведь знаешь... Как я люблю осень!».

Угасание природы, ожидание долгого зимнего покоя всегда наводило Бунина на размышления, овеянные грустным воспоминанием о минувшем времени, пусть даже недавнем, но уже неповторимом, невозвратном, канувшем навсегда. Это неотъемлемое свойство и его личности, и его редкостного, исключительно поэтического дара. С этим в немалой степени связаны и первые, весьма односторонние оценки ранних произведений писателя. Речь прежде всего идёт о самобытности бунинского таланта и о том, что уже в ранних рассказах молодой Бунин заговорил о социальных проблемах, которые со временем стали ещё весомее в лучших его произведениях.

В первый период творчества критики называли Ивана Бунина не иначе, как «певец осени, грусти, дворянских гнезд». «И выходило так, – писал впоследствии в «Автобиографических заметках» Бунин, – что нет писателя более тишайшего и человека, более определившегося и умиротворённого, чем я. А между тем человек-то был я как раз не тишайший и очень далёкий от какой бы то ни было определённости: напротив, во мне было самое резкое смешение и печали, и радости, и личных чувств, и страстного интереса к жизни, и вообще стократ сложнее и острее жил я, чем это выражалось в том немногом, что я печатал тогда».

Впоследствии некоторые критики говорили о писателе противоположное – «декадент», «парнасец», «холодный мастер». В то же время прежние, как воду в ступе, толкли свое, перемежая старые ярлыки с добавлением: «изящное дарование, любовь к природе, любовь к человеку... есть что-то тургеневское, есть что-то чеховское...» А. А. Измалков в «Биржевых ведомостях» писал: «О Бунине нельзя говорить, не беспокоя прекрасной тени Чехова». На что Антон Павлович заметил Бунину, в котором уже тогда предвидел большого писателя-реалиста: «Мы похожи с вами, как борзая на гончую. Я не мог бы ни одного слова украсть у вас. Вы резче меня. Вон вы пишете: "море пахнет арбузом..." Это чудесно, а я бы ни за что так не сказал. Вы же дворянин, последний из "ста русских литераторов"».

На сословное происхождение Бунина здесь указано не случайно. В самом деле, корни бунинского «дворянства» глубоки. Из рода Буниных вышел поэт Василий Жуковский, предшественник Пушкина. На этот факт Бунин указывает в «Автобиографических заметках», он гордился своею связью с истоками национальной культуры, как и тем, что родился, вырос и сформировался как художник «в том плодородном Подстепье... откуда вышли чуть ли не все величайшие русские писатели во главе с Тургеневым и Толстым». Но о былом благополучии своего рода будущий писатель знал лишь по семейным преданиям и литературным источникам. В жизни было совсем другое. На Орловщине, в елецком хуторе Бутырки, где прошли детство и юность писателя, он был свидетелем безнадежной нужды, дошедшей до разорения отцовского двора. Что значило для Бунина его родительское гнездо, – как и вся орловская земля, давшая Тургенева, Лескова, Фета, Тютчева, Писарева и его литературных сверстников Андреева и Пришвина, – можно почувствовать из слов Ивана Алексеевича, когда он в конце девятисотых годов с женой В.Н. Муромцевой-Буниной побывал на месте, где был бунинский хутор и где, как в детстве, колосилась рожь: «Да, это не Босфор, не Дамаск, не Италия и даже не Васильевское. Это моё грустное детство в глуши».

У Бунина не было возможности явиться в литературе первооткрывателем неизвестных до него этнографических богатств родного края. После «Записок охотника» орловская земля не была в новинку русской литературе. Но в том-то и дело, что на одну и ту же родную землю писатели-орловцы смотрели по-своему. Золотой, ничем не восполнимый запас детских и юношеских воспоминаний и впечатлений каждого из них неизмерим, не говоря уже о самобытном языке орловских и курских крестьян, который под пером писателей-словолюбов обретал строгую неповторимость и родниковую чистоту.

Талант Бунина сформировался в благодатной для писателя и поэта деревенской усадьбе... Это определило и глубинную, связанную с землёй и крестьянством основу его произведений

наиболее плодотворной дореволюционной поры. В эти годы движение Бунина-прозаика проявляется прежде всего в расширении масштабности, в переходе от наблюдений над судьбами отдельных людей к размышлениям о путях русского крестьянства, России.

Цельность его личности, следование русской классике оградило писателя от кризисов и метаний в пору общественного подъема и размежевания социальных и литературных сил. При всем «дворянстве» Бунина тут нужно отдать дань уважения ему и как художнику и как человеку. Всегдашняя его симпатия к людям мужицкого мира перерастает в тревогу за судьбу мужика, обостряет критический его взгляд на существовавший уклад жизни, его дестабилизацию. В этот период наибольшего сближения уже широко известного прозаика и поэта с Горьким появляется бунинская «Деревня» – реалистическое полотно о первой русской революции. Вся повесть, написанная необыкновенно густо, пронизанная отголосками общероссийских политических событий, как бы озарена тревожными всполохами далёких пожаров помещичьих усадеб, народных потрясений.

После выхода «Деревни», «Суходола» и ряда рассказов И.А. Бунин становится одним из ведущих писателей в русской литературе. В последующие тревожные четыре года он создаёт более сорока рассказов, к которым, по его словам, с удовольствием бы поставил эпиграфом один из последних заветов Глеба Успенского: «Смотрите на мужика... Всё-таки надо... Надо смотреть на мужика!..» Среди этих рассказов – подлинные шедевры бунинского таланта: «Захар Воробьёв», «Последнее свидание», «При дороге», «Чаша жизни», «Лёгкое дыхание», «Господин из Сан-Франциско», «Сны Чанга»...

Два последних из них написаны на родине в селе Васильевском, куда писатель наезжал каждый год. Появление «Господина из Сан-Франциско» современная автору критика восприняла как литературное событие. Здесь художник поднялся до высоты толстовского обличительного всевидения. Путешествие американского миллионера на громадной «Атлантиде» напоминает о Валтасаровом пире накануне гибели Халдейского царства. «Горе тебе, Вавилон, город крепкий!» – эти страшные слова Апокалипсиса неотступно звучали в моей душе, когда я писал «Братья» и задумывал «Господина из Сан-Франциско», – заметил позднее Иван Алексеевич.

В предреволюционные годы огромный талант Бунина проявился во всей полноте и силе. Каждое его новое издание было радостью для коллег и поклонников писателя. Вот что писал А.М. Горький в 1916 году автору «Деревни»: «Вы только знайте, что Ваши стихи, Ваша проза – для “Летописи” и для меня – праздник. Это не пустое слово. Я Вас люблю – не смейтесь, пожалуйста. Я люблю читать Ваши вещи, думать и говорить о Вас. В моей очень суетной и очень тяжелой жизни Вы, может быть, и даже наверное – самое лучшее, самое значительное... Вы для меня – великий поэт, первый поэт наших дней».

И сам Бунин в те годы чувствовал, как с каждым днём крепла его рука, как горячо требовали исхода накопившиеся силы. «Но тут, – по его словам, – разразилась война, а затем и русская революция». После 1917 года пути Горького и Бунина разошлись. 24 января 1920 года волна эмиграции отнесла Бунина от берега Родины, России и, как оказалось, – навсегда.

Эмигрантский период сложный в понимании его творчества, но был плодотворным. Здесь им созданы повести «Митина любовь», «Дело корнета Елагина», книга рассказов о любви «Тёмные аллеи» и принесший мировую известность роман «Жизнь Арсеньева», удостоенный Нобелевской премии. Говоря о долгой жизни писателя за границей, стоит отметить, что в годы гитлеровского нашествия на нашу Родину Бунин всем сердцем был на стороне её защитников. Будучи «нищ, как Иов», он не написал при немцах ни строчки. Одно из последних писем на родину Н.Д. Телешову, уже получив советское гражданство, Бунин заканчивает скорбным признанием: «Очень хочу домой».

8 ноября 1953 года писатель скончался. Могила его во Франции, под Парижем.

В нынешнюю юбилейную осень со дня рождения И.А. Бунина Орловщина чтит память своего земляка, как и все почитатели его таланта. По словам А. Твардовского, Бунин не есть некая академическая величина, которой отдаётся дань

от случая к случаю. Его наследие, художнические принципы – реальная действенная сила, часть живого литературного движения. В этой связи стоит особо сказать о подвижнической взыскательности писателя к слову, власть которого, его воздействие на читателя воистину волшебно.

О том, как давалось ему слово, Бунин как-то заметил: «Я всю жизнь испытываю муки Тантала. Всю жизнь я страдаю оттого, что не могу выразить того, что хочу. В сущности говоря, я занимаюсь невозможным занятием... Вот, например, как сейчас, – как сказать обо всей этой красоте, как передать эти краски, за этим жёлтым лесом дубы, их цвет, от которого изменяется окраска неба. Это истинное мучение. Я прихожу в отчаяние... Какая мука, какое невероятное страдание литературное искусство!»

К этому следует прибавить – и радость великая, которую Бунин, как художник, испытал сполна.

И эту радость он передал всем, навсегда.

Орловские писатели. 1985 год.